

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЙТАГА С ИРАНОМ И РОССИЕЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.**

(Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для молодых российских ученых и ведущих научных школ № МК-4392.2012.6)

Проблема взаимоотношений Дагестана с великими державами всегда привлекала внимание историков-кавказоведов, о чем свидетельствуют их многочисленные исследования. Отдельные аспекты поднятой проблемы освещались в работах Е.Н. Кушевой, 1963; М.-С.К. Умаханова, 1973; Р.М. Магомедова, 1999 и т.д. Однако специального исследования, посвященного разработке вопроса взаимоотношений Кайтагского уцмийства с Ираном и Россией, до сих пор нет.

Известно, что в первой половине XVII в. активность внешней политики Сефевидского Ирана в кавказском направлении резко возрастает. Ослабив позиции Турции на Кавказе, сефевидский Иран начинает распространять свою власть и усиливать влияние и в Дагестане. В это время Кайтаг под управлением уцмий Рустам-хана, становится одним из крупных, сильных и влиятельных владений Дагестана, которое играло заметную роль в политических процессах не только в Дагестане, но и на Северо-Восточном Кавказе, проводя самостоятельную внешнюю политику. Учитывая важную роль Кайтага в Дагестане, иранские власти в своих политических устремлениях на Кавказе опираются, в том числе и на Кайтаг. Ситуация в Дагестане меняется с вступлением России в борьбу за Кавказ. Россия также была заинтересована в установлении крепких связей с Кайтагом. Анализ взаимоотношений Кайтага с Ираном и Россией в первой половине XVII в. не нашел отражения в исследованиях историков, хотя политика этого небольшого государственного образования на фоне борьбы за Кавказ двух сильнейших мировых держав является показателем с одной стороны достижения собственных устремлений правителей, а с другой – показателем способности выживания в сложных исторических обстоятельствах.

Наиболее тесные контакты Кайтагского уцмийства складывались с Ираном, который вел активную внешнюю политику в кавказском направлении в начале XVII в. После отеснения турок из Дербента в 1606 г., Иран получил возможность более активно влиять на дагестанских владетелей, вмешиваться в политические процессы, происходящие в различных частях Дагестана, в том числе, и Кайтаге.

Конец XVI – начало XVII в. характеризуется тесным военно-политическим сотрудничеством Кайтага с иранскими властями на Кавказе. Известно, что уцмий Амир-Хамза получил фирманы от персидского шаха Аббаса I в 1594–95 г. и 1607 г. (Козлова А.Н., 1986. С. 40). Этим шагом Сефевидский Иран в борьбе с Турцией хотел опереться на одного из сильных правителей Дагестана. Такая политика быстро принесла свои плоды. Брат уцмий Амир-Хамзы Рустам-хан в 1606 г. во главе кайтагских отрядов вместе с восставшими горожанами Дербента очистил город от турецкого гарнизона (Бакиханов А.-К., 1991. С. 111; Алкадари Г.-Э., 1994. С. 46–47). Рустам-хану и его братьям было оказано большое внимание со стороны шаха Аббаса, который одарил их богатыми подарками (Бакиханов А.-К., 1991. С. 111; Алкадари Г.-Э., 1994. С. 46–47).

Однако, отношения Кайтага и других владений Дагестана с Ираном заметно охладели после разгрома войск Майсума Табасарана ширванским наместником Зульфугар-ханом. Наместник Ширвана после вытеснения турок из Закавказья начал строительство крепости и других военных укреплений, в том числе и г. Шабране. Управление этим городом турецкие власти, когда они владели Ширваном, передали табасаранскому правителю. У Ирана в отношении этого города были свои планы. Желая и дальше править этим городом, майсум испортил отношения с иранскими властями. Дело закончилось военным конфликтом. В результате сражения (1608 г.) погибло более тысячи человек из войска табасаранского правителя (Бакиханов А.-К., 1991. С. 118; Алкадари Г.-Э., 1994. С. 48). Активная политика шаха в северном направлении сильно обеспокоила дагестанских владетелей.

Чтобы урегулировать конфликт, Аббас I отправил в г. Шабран в Ширване большой отряд войск во главе с Карчигай-ханом, который должен был соединиться с Зульфугар-ханом и другими владетелями Ширвана, наблюдать за горцами, входить с ними в сношения и установить «общее

спокойствие». Прибыв к месту назначения, Карчихай-хан выяснил причины общего недовольства владетелей Дагестана Зульфугар-ханом, и, согласно тайному шахскому приказу, последний был убит (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 119). Устранение ненавистного дагестанцам Зульфугар-хана в 1611 г., как отмечает А.А. Рахмани, значительно помогло Карчигай-хану наладить отношения с дагестанцами (*Рахмани А.А.*, 1960. С. 117). Горские князья оценили этот своеобразный жест доброй воли и политического такта шаха Аббаса – на какое-то время их отношения с Ираном вновь наладились. Как писал в этой связи А.К. Бакиханов, дагестанские «владетели, обрадованные правосудием шаха, вместе с Карчигай-беком отправили своих сыновей и родственников ко двору шаха, и таким образом прекратились беспорядки» (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 119).

Однако, это спокойствие длилось не долго, так как Аббас I не собирался довольствоваться тем, что ему удалось добиться в Дагестане в самом начале XVII в.: взять под контроль Дербент, привлечь на свою сторону некоторых владетелей, в том числе, и уцмий Кайтага, отбить у табасаранцев важный пункт в Шабране, получить возможность вплотную заняться разведкой в Дагестане.

Успехи в войне с Турцией сделали шаха Аббаса I более решительным и в отношении Дагестана. От политики маневрирования и показного миролюбия он перешел к политике насильственного подчинения Дагестана. Был организован ряд завоевательных походов в горные районы южного и северного Дагестана (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 149–152).

В 1611–1612 гг. персидские войска во главе с ширванским наместником Юсуп-ханом вторглись на территорию верхнедаргинцев, помогая Гирею Тарковскому удерживать даргинцев в составе шамхальства. Недалеко от с. Усиша произошло сражение, в котором войска Юсуп-хана и Гирея Тарковского потерпели поражение, потеряв убитыми 2 тыс. человек, «носивших оружие» (*Алиев Б.Г., Муртазаев А.О.*, 2008. С. 283–284). Такой же поход повторился в 1613–1614 гг., но тоже безрезультатно (*Алиев Б.Г.*, 1970. С. 93)

Примерно в это же время антииранские волнения охватили и Кайтаг. Надпись на арабоязычной рукописи, обнаруженной в с. Хурик Табасаранского района в 1964 г., свидетельствует о кровопролитных сражениях 1614–1615 гг. в табасаранских и кайтагских селах с вторгшимися в их пределы шахскими войсками (*Гасанов М.Р.*, 1967. Л. 47). К событиям в Кайтаге в 1615 г. относится и другая запись: «Тарих. О сражении табасаранцев с кызылбаши. Состоялось большое сражение. Кызылбаши день за днем захватывали аул за аулом Табасарана и Кайтага и победили. И перебив многих, кызылбаши ушли. Дата 1024 г.х. (от 31 января 1615 года 19 января 1616 года)» (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 10).

Не долго пробыв в Кайтаге и Табасаране, персидские войска отступили. Вторжение персидских войск в Кайтаг заставило уцмий Рустам-хана пересмотреть свою позицию в отношениях с Ираном. Уже в 1616 г. во время опустошительной карательной экспедиции шаха Аббаса I в Грузию «... Рустам-хан, уцмий кайтагский, прибыл лично к шаху для изъявления преданности. Шах принял его благосклонно на берегу реки Алгети, наделил его подарками и выдал грамоту на управление Дербентом» (*Бакиханов. А.-К.*, 1991. С.120). Следуя политике Рустам-хана, на берега Алгети потянулись и другие дагестанские князья, но получили лишь почетные одежды (*Бакиханов. А.-К.*, 1991. С. 120). Кроме того, имеются сведения о регулярном денежном вознаграждении уцмий Кайтага, как и некоторых других владетелей Дагестана, шахскими властями. Это объяснялось тем, что шах Аббас I в отношении Дагестана применял и не насильственные меры достижения своих политических целей. Чтобы привлечь владетелей Дагестана на свою сторону, он не скупился на грамоты, денежные вознаграждения, подарки, лесть.

Уцмий Рустам-хан был известен как один из влиятельных авторитетных и дальновидных политиков Дагестана изучаемого периода. Он адекватно оценивал политическую ситуацию, тонко чувствовал изменения в Дагестане и на международной арене. Поэтому он применял различные механизмы в проведении внешней политики с могущественными соседними державами. Ради сохранения независимости своего владения он часто обращался к политике маневрирования.

Этим, по-видимому, объясняется и стремление уцмий к установлению связей с Россией, в которой благополучно завершился период смутного времени, что дало ей возможность проводить довольно активную внешнюю политику и в кавказском направлении. Для Дагестана это означало, что он не стоит один на один с Сефевидским Ираном, появился политический «противовес».

Решительные демарши России не раз останавливали походы персидских войск в Дагестан. Россия в начале XVII в. обозначила на карте Кавказа сферу своих интересов, таким образом, поставив перед Ираном ограничительную линию, с которой последнему необходимо было считаться. Еще в 1614 г. русское правительство заявило иранскому послу в Москве, что «шах

Аббасу непригоже так делать, что, не обослався с великим государем нашим (т.е. не согласовав с царем. – Авт.), Грузинскую землю разорять и... на Кабардинскую и на Кумытцкую землю войною людей своих посылать» (*Веселовский Н.И.*, 1892. С. 33). Это было предостережением шаху. В 1615 г. русский посол в Иране Г. Шахматов указывал шаху на нежелательность похода иранских войск в Дагестан. Шах Аббас I, ожидавший возобновления военных действий с Турцией, не мог открыто отказать Москве. Это обстоятельство, вероятно, заставило шаха свернуть военные действия в Табасаране и Кайтаге в 1615 г. и отказаться от походов на кумыкские владения, правители которых присягнули на верность царю в 1614 г. (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 34–46).

Дипломатическое заступничество России за Дагестан перед Ираном усилило политическую ориентацию дагестанских владетелей на Москву (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 86; История Дагестана. 1967. С. 289).

В этих условиях уцмий Кайтага Рустам-хан делает первый шаг к установлению связей уцмийства с Россией. В 1616 г. в Терки к воеводе П. Приклонскому прибыл «уцмиев дядька Баклый», сторонник сближения с Россией, и провел переговоры об условиях присяги Рустам-хана русскому царю. Воевода дал знать об этом в Москву и запросил письменного согласия, одновременно с этим подключив к этому делу своих союзников – Гирея и Илдара Тарковских. Однако в этом и была недальновидность воеводы, поскольку Гирей и Илдар не были заинтересованы в сближении Рустам-хана с Россией. Переговоры закончились неудачно, хотя согласие из Москвы пришло (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 13).

В 1617–1618 гг. переговоры уцмий с русскими властями о подданстве продолжились. Новый воевода Н. Вельяминов, желая побольше узнать об уцмие и его владении, роли и месте Кайтага в Дагестане, обратился к кабардинскому князю Сунчалею, от которого получил следующую информацию: «...и сказал князь Сунчалею мне, что уцмий де князь кайдацкий в горах человек первый и людьми силен, никому не служит – ни турскому, ни крымскому, ни кызылбашскому – не голдует и ясаку не дает, а человек де он гордой, против Гирея – князя, не вставая, шапки не сымает, и Гирей де перед ним з братом своим с Илдаром вместе не садятся и стоят на коленках» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 64). Князь Сунчалею также сообщил: «...никакого де уцмей, князь кайдацкой, тебе, государство, оманат в Терский город не дает, лише де даст ли будет или нет шерть, потому что человек де он самовластной и гордой, от Терского города удален и ни которой-де боязни себе не имеет, земля-де его в крепких местах...» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 65).

Полученные сведения об уцмие Кайтага свидетельствовали, что переговоры будут нелегкими. Поэтому воевода вновь обратился к посредничеству кумыкских князей Гирея и Илдара, но быстро понял их незаинтересованность и некие опасения для себя в случае сближения Рустам-хана с русскими властями на Кавказе. Тогда воевода Н. Вельяминов, отказавшись от их «услуг», отправил в Кайтаг своего представителя, который нашел там Баклыя, дядю уцмий, который устроил его встречу с Рустам-ханом. После этого Рустам-хан и согласился поступить в подданство к царю: «...уцмей де князь... сказал, что он тебе, великому государю, служить и прямити и быти под твоею царскою высокою рукою рад...» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 65). Вскоре от уцмий в Терки прибыла делегация из 7 человек с письмом от Рустам-хана. Там уцмий поднимал вопрос о своих торговых людях, о том, чтобы им на Тереке не было никаких притеснений, обещая, в свою очередь свободный проезд и охрану через Кайтаг русским торговым людям. В письме также говорилось, что Рустам-хан готов «...великому государю служить лутче Гирея-князя и Илдара-мурзы» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 66).

Однако, переговоры и на этот раз не дали результатов. Скорее всего, уцмий не устроили условия: представить аманатов и лично явиться в Терки для принятия присяги. Переговоры возобновились снова по инициативе уцмий лишь в 1625 г.

Трудно определить, что подтолкнуло Рустам-хана к сближению с Россией в 1625 г. Уцмий идет навстречу русским властям – освобождает из плена русского стрелецкого сотника Е. Огибалова по просьбе терских воевод, причем, посредником между Терками и Кайтагом выступал сын Илдара Тарковского – Амирхан (Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII... Л. 418–419). Почти одновременно с этим, в мае 1625 г., Рустам-хан посылает в Терки «дядьку своего Бадархана да узденя своего Алибека бити челом государю» о подданстве (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 78). На этот раз уцмий идет на важные уступки. Он согласился прислать своего сына аманатом в Терки. Однако, к

положительным результатам переговоры не привели. Вопрос остался открытым. Хотя терский воевода всячески поддерживал это дело. Он сообщал в Москву, как это важно для надежных связей с Ираном, так как объехать Кайтаг невозможно, а грабежи там продолжались, «уцмий государевых торговых людей мимо своих деревень не пропускает и их грабит, а объехать сухим путем уцмиевых деревень нельзя» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 78). Воевода надеялся, что после принятия уцмием присяги русскому царю положение изменится: «торговым людям вольно будет ездить сухим путем с Терки в Шемаху и из Шемахи на Терек мимо уцмиевых деревень Кайдацково» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 78).

В феврале 1627 г. у терских воевод появилась информация о желании уцмий вступить в русское подданство. Об этом в Терки сообщили два служилых узденя шамхала Илдара, который при своей поездке в Шемаху, якобы сумел склонить Рустам-хана к присяге царю, причем уцмий соглашался выдать аманатом сына (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 88). При этом уцмий не забывает напомнить и об экономических интересах Кайтага, обещая за это русским торговцам беспрепятственный свободный транзит через свое владение. Он писал: «...дорогу де я шамахинскую государевым людям очищу и ездить бы им государевым людям мимо мои кабаки безстрашно и безпошлинно, а меня бы де государь пожаловал велел пропускать в Кабарду и людей моих с торгом и государевым людям ездить ко мне безстрашно, а нашим бы людям ездить ко государевым людям также же безстрашно...» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 78). Однако дальнейшие события показывают, что шамхальское посредничество оказалось неэффективным, и уцмий не принял присягу русскому царю.

Тем временем умер шах Аббас I (1587–1629), его сменил шах Сефи I (1629–1642), отличавшийся необычайной жестокостью, а также настойчивостью в осуществлении своих далеко идущих захватнических планов.

Начало царствования шаха Сефи I совпало с неудачами в возобновившихся военных действиях в Закавказье между иранскими и турецкими войсками: турки в 1630 г. взяли и разрушили Хамадан, осадили Багдад, в 1635 г. захватили Ереван и Тавриз, а в 1638 г. – Багдад (Иванов М.С., 1952. С. 76). Шах Сефи I попытался освободить занятые территории, но неудачно. Пришлось идти с Турцией на перемирие. По условиям ирано-турецкого мирного договора 1639 г. Багдад остался за Турцией, кроме того, к ней отходили весь Арабский Ирак и Западная Армения; Ирану удалось сохранить за собой Восточную Армению и Азербайджан (Иванов М.С., 1952. С. 78; Новичев А.Д., 1963. С. 158).

В это время Сефи I, занятый войнами с Турцией, сам не мог непосредственно заняться северокавказскими делами. Он, как ранее шах Аббас I, решил использовать крымского царевича Шагин-Гирея, который перешел на сторону Ирана еще при Аббасе I, хотя, по-традиции, Крымское ханство поддерживала Турция. Турки вытеснили мятежного царевича из Крыма, который с помощью Ирана обосновался в Кабарде. Понимая стратегическое значение дороги вдоль подошвы Большого Кавказа – от Крыма через Дербент в Закавказье Сефи I, используя Шагин-Гирея, начал активно действовать. Значительный участок этого пути лежал в пределах Кайтага.

К 1631 г. Сефи I запланировал «ставить крепости на Сунже, на Елецком городище» и на Татартупе, т.е. в верховье Терека, почти у самого Дарьяла (Кушева Е.Н., 1963. С. 313). В возведении крепости у Елецкого городища должны были принимать участие отряды Шагин-Гирея, шамхала Ильдара, уцмий Рустам-хана, дербентского султана, 15 тыс. ногайцев Малой орды, а также отряд войск во главе с шемаханским Казак-ханом (История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 2005. С. 394). Чтобы подавить сопротивление местных народов, которые выступали против реализации его плана, Сефи I, намеревался послать в зону строительства 10 тыс. иранских солдат. Через некоторое время Сефи I обещал выделить Шагин-Гирею 40-тысячное войско. Более того, шах требовал от терских и астраханских воевод выделить в распоряжение Шагин-Гирея до 2000 казаков и 300 стрельцов (Кушева Е.Н., 1963. С. 313). Царские воеводы в Астрахани и Терском городке, понимая опасность этих планов шаха, сообщали в Москву, что, «поставя города, идти им (т.е. иранцам) со всею ратью под Астрахань и Терский город войною» (Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. Л. 629–630; Кушева Е.Н., 1963. С. 313).

Феодальные правители Дагестана также понимали опасные последствия претворения этих замыслов шаха в жизнь. Поэтому даже считавшиеся сторонниками шаха владетели не поддержали его плана по строительству иранских крепостей в стратегически важных пунктах Северного

Кавказа. Возможно, это усиление иранской военной активности вновь заставило уцмий обратиться в сторону России.

Летом 1631 г. уцмий через своего представителя отправил письмо, в котором сообщал царю Михаилу Федоровичу о готовности быть на русской службе, надеясь при этом на покровительство с его стороны (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 94). Своевременность этого шага стала очевидна в конце 1631 г., поскольку Шагин-Гирей «... присылал к уцмию кайдацкому в послех дворового своего человека татарина Балчибашу просить двухсот топоров, чем лес сечь да двухсот телег с лошадьми и людьми для городского ставленья» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 94). Об этом в Москве сообщил посол Рустам-хана Шамсей. По его же словам, уцмий ответил категорическим отказом, заявив, что в таком деле он «ему не товарищ» (Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. 1957. С. 145). Более того, он «Шан Гирея к себе не пустил», как сообщали в Москву терские воеводы, которых Рустам-хан также информировал о планах шаха и Шагин-Гирея (Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. Л. 707). Также, уцмий на предложение Шагин-Гирея ответил, что он считает себя подданным царя, а р. Сунжу, где Шагин-Гирей планирует строить крепость, – территорией принадлежащей царю (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 95). От посла уцмий стало известно, что Рустам-хан перебил своих двоюродных братьев за их проиранскую ориентацию «... а хотели братья ево двоюродные после смерти отца своего быти у кызылбашского шаха в подданных, и он де уцмей зазвал их к себе, побил до смерти» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 95). Мотивы, побудившие уцмий к такому жестокому шагу неясны, но можно предположить, что он опасался привлечения своими двоюродными братьями, сторонниками Ирана, шахских военных сил для захвата власти в Кайтаге. Здесь налицо династический кризис в Кайтаге, но время его неизвестно, не назван и отец двоюродных братьев Рустам-хана, т.е. его родной дядя.

В мае 1632 г. вместе с послом уцмий Шамсеем была отправлена в Кайтаг Рустам-хану грамота царя Михаила Федоровича о принятии его в русское подданство с обещанием оказывать ему военную помощь против его «недругов» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 95). Уцмию были пожалованы богатые подарки с предложением приехать в Терский городок для принятия присяги и выдачи аманатов, после чего уцмию обещали выдавать регулярно жалованье. Как и раньше, Рустам-хан отказался приехать в Терки и дать аманатов. Более того, он запретил посылать аманатом в Терки младшего сына Султан-Мута, Эндиреевского правителя (матерью которого была дочь уцмий) (Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. Л. 432–433).

Во внешней политике России в южном направлении, по-прежнему, приоритетным оставалось приведение горских владетелей в российское подданство. Согласно предписанию Москвы от 1633 г., в этом деле необходимо было придерживаться единого протокольного порядка – с приведением к присяге обязательно в русских пограничных городах – в Терки или на Кизлярском перевозе, с получением там жалованья и выдачей аманатов.

В середине 1634 г. уцмий снова заявил о себе русским властям. Рустам-хан отправил царю Михаилу Федоровичу челобитную о признании себя, своих родных и жителей Кайтага подданными царя, с согласием ему служить, открыть дорогу русским купцам, быть другом для друзей царя и врагом для его врагов: «... учинился есми со всеми своими людьми с шестеять тысячьми государю в холопстве и все свое государство Кайдацкую землю учинил тебе, государю, в холопстве, и учинился есми государь, твоему государеву другу другом, а недругу твоему государеву недругом, и земля моя твоя, государева земля, и чтоб твои, государевы, послы и купчины через Кайдацкую землю ходили безо всякого опасенья» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 123). Письмо к русским властям доставил посол уцмий Бадархан-бек, уполномоченный Рустам-хана говорить и действовать от его имени (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 123).

Вскоре в Кайтаг прибыл представитель терского воеводы П. Лукин с богатыми подарками, чтобы уговорить уцмий Рустам-хана поехать в терки и согласно царскому указу 1633 г. принять присягу именно в Терки. Уцмий категорически отказался это делать, объясняя тем, что он и так считает себя подданным царя, к тому же ехать в Терки со свитой и аманатами было, по его словам, не безопасно, поскольку Кайтаг был отделен от Терки двумя постоянно враждующими кумыкскими владениями – Тарковским и Эндиреевским. Вместе с тем, в Кайтаге он охотно соглашался присягнуть на верность русскому царю. Как доносил терский воевода М.П. Пронский

в Посольский приказ: «... уцмей ныне говорит, что шертвовать в Терский город и на Быструю реку на Кизларский перевоз ехать не мочно, что ево земля от Терского города отдалена через Шевкалову и Салтан-Магмутову землю ехать ему опасно, и оманатов не дает, а шертвует у себя в Кайдаках за себя и за детей своих, и за братью, и за всю Кайдацкую землю» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 124). Воевода также сообщал, что Султан-Мут пытался отговорить уцмю от присяги, но безрезультатно (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 125). Уцмий Рустам-хан остался довольным привезенным П. Лукиным жалованьем ему в Кайтаг и указал на желательность взаимных торговых поездок между Кайтагом и Терки (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 125).

Доводы Рустам-хана принесли свои результаты – ему было разрешено принести присягу царю Михаилу Федоровичу в Кайтаге. При этом уцмю передавались дары: «Кубок серебрян золочен с кровлею (т.е. с крышкой), шуба-атлас золотный на соболях (соболя шуба с атласной подкладкой), однорядка scarлатна чревата с кружевом (т.е. кафтан однобортный из красного сукна багрового оттенка с кружевами), шапка лисья черная, лисья шкура черная, два сорока соболей (т.е. 80 шкурок)». Все это повезла в Кайтаг делегация их четырех человек во главе с Василием Надобным (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 126; Магомедов Р.М., 1999. С. 18).

7 декабря в резиденции уцмю в Башлы Рустам-хан «...уцмей кайдацкой за себя и за братью свою и, за детей, и за племянников, и за всю свою кайдацкую землю своего владенья на Куране шертвовал» царю Михаилу Федоровичу (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 125).

В тексте присяги, составленной в Москве, особое значение придавалось такому условию: «Мне, уцмею, и детям моим, и братье, и дядье, и племянникам, и всем моим моего уцмеева владенья людям к турскому султану, и в Крым, и в Ногай, и ни в которые государства от царского величества не отступить» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 125–126; Кабардино-русские отношения в XVII – XVIII вв. С. 146). Большое место в условиях присяги занял вопрос о Шагин-Гирее и Сафат-Гирее. Уцмий должен был не пропускать их через Кайтагское уцмийство и с ними и с другими непослушниками «битись до смерти» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 127).

Кроме того, по условиям присяги уцмий обязывался:

- быть вместе с родными и подданными «под рукою царя ... навек неотступно»;
- служить царю и его сыновьям;
- не желать и не замышлять конфликтов с государевыми людьми;
- в случае приказа царя, выступать со своим войском против его врагов, преследовать и покорять их без всяких уклонений;
- государевым людям не делать никакого зла, беспрепятственно пропускать их «к шаху и назад» (т.е. в сторону Дербента и оттуда на север);
- если терские воеводы действуют по «государеву указу», то подчиняться их указаниям; разрешается свободный путь в Терки, но и следующих оттуда свободно пропускать через Кайтаг и не притеснять;
- не нападать на казаков и служилых людей в момент их промысла (лесного и рыбного, речного и морского), не брать их в плен, не задерживать силой, не продавать в рабство, не убивать;
- не делать никаких набегов на Терский городок, не угонять их табунов и стад;
- не вступать в союз с Султан-Мутом и его людьми, а мир с ними заключить только по указу царя, сообщать воеводам о замыслах кумыкских и кабардинских князей, мурз, узденей против Терского городка;
- воевать вместе со своим войском там, где велит царь – без непослушания, измены или связи с противником.
- что касается пошлин с русских купцов, проезжающих через территорию Кайтагского уцмийства, то они были установлены такие же, как и в шамхальстве (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 126–128). Но потом выяснилось, что дело с пошлинами обстоит по-другому, задевая интересы уцмийства. Уцмю стало известно, что кроме шамхала Илдара, берущего пошлину в Тарки, столько же берет с купцов и его брат крым-шамхал Бий-Богамет. Выходит, что шамхальство получает двойную пошлину. Если так будет продолжаться, тогда и его брат, Чюкук также начнет брать пошлину. Об этом Чюкук уже говорил

уцмию (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 126). В источнике говорится, что при отъезде В. Надобного уцмий Рустам-хан обратился к нему и сообщил о сложившейся ситуации с пошлинами с купцов в шамхальстве: «... теперь в Кайдацкой земле на княженъе он, уцмей, а после ево будут на княженъе братья ево Чюкук да Устерхан да сын ево Хан, а в Кумыках де на княженъе Ильдар-шевкал, а в Буйнаках ево Илдаров брат Биибогамат. И Илдар-шевкал с твоих государевых торговых людей емлет пошлину в Тарках, а брат де ево Биибогамат емлет пошлину в Буйнаках, а ево де уцмеев брат Чюкук говорил ему, уцмею, чтоб имать с государевых торговых людей пошлины и ему, Чюкуку, против Илдарова брата. Уцмей, брату своему Чюкуку с государевых торговых людей пошлин имать не велел, а будет де Илдар-шевкалов брат Биибогамат в Буйнаках с твоих государевых торговых людей станет вперед пошлину имать, и ево де уцмеев брат Чюкук против Илдарова брата Биибогамата с государевых торговых людей пошлину учнет же имать» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 127). Получается, что дело тут не только в доходе, но и в умалении статуса Кайтага в сравнении с шамхальством.

Создавшаяся ситуация была быстро разрешена. В Посольский приказ в Москву сообщили о порядке престолонаследия в Кайтаге, а также заверении терских воевод о том, что шамхалу предложено запретить брату взимание второй пошлины, а русским купцам было запрещено ее платить. Об этом вскоре дали знать и уцмию (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 127).

Вышеприведенный договор о вступлении уцмия Рустам-хана в российское подданство был проанализирован известным историком Р.М. Магомедовым. Он определил его как вассальный договор. Он также отметил, что все его статьи уместны, понятны и, по сути, не отличаются от договоров России с другими горскими владетелями. По его мнению, договор носит краткосрочный характер, поскольку связывает обязательствами уцмия, его детей и племянников с царем Михаилом Федоровичем и его сыновьями – другие потомки даже не упомянуты (Магомедов Р.М., 1999. С. 20).

Что касается внешних врагов России, с которыми уцмий не должен был поддерживать отношения, а в случае необходимости даже воевать, то названы только Шагин-Гирей и Сафа-Гирей (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. 1958. С.127). Получалось, что с их смертью эта статья договора отпадала сама собой. Учитывая такое положение, Р.М. Магомедов пришел к выводу, что срок действия договора определяется сроком одного – максимум двух поколений (Магомедов Р.М., 1999. С. 20). Известно, что принятие присяги возобновлялись при каждой смене на престоле и во главе княжества.

По мнению Р.М. Магомедова, из статей договора заметно отсутствие каких бы то ни было податей или экономических уступок. Наоборот, предусмотрено жалованье вассальному князю за службу и торговые пошлины в его пользу (Магомедов Р.М., 1999. С. 20).

Более того, в договоре подчеркнута независимость уцмия от местных русских властей: их указания уцмий должен был выполнять лишь в случае, если они действуют по царскому указу, так как уцмий служит государю всея Руси, а не терским или астраханским воеводам.

Крайне неопределенными являются в договоре санкции за несоблюдение этих статей. Фактически, они отнесены на божью волю. По мнению Р.М. Магомедова, сегодня подобный документ принято называть «протоколом о намерениях». Он же отмечал, что согласно этому документу, уцмий обещает не нарушать политических интересов России, следовать прямым приказам царя, не мешать торговле и связям с Ираном в обмен на покровительство и нерегулярную помощь, и жалованье от России. Как он писал далее, безусловно, признается самоуправление и внутренний строй Кайтаг-Дарго, верховенство там уцмийской династии, право на внешнеполитическую и военную инициативу (Магомедов Р.М., 1999. С. 20).

В августе 1635 г. в Москву прибыл кайтагский посол Бадархан, вместе с ним приехали и брат Рустам-хана (имя не названо) и «купчина» Варданас, судя по имени, армянин. Привезенные ими товары было разрешено продать беспошлинно «опричь шолку сырцу», т.е. кроме шелка (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 129). Главная задача, которая стояла перед посольством – подтверждение подданства. Посол должен был вручить царю уцмийскую присягу, а брат уцмия принять царскую грамоту. Прибыв в Москву, кайтагцы, прежде всего, закончили свои торговые дела. Товаров у них было не так много, и делились на три партии, самая большая из которых принадлежала уцмию, купеческая партия была поменьше, а узденская еще меньше. Согласно акту досмотра, кайтагских товаров в Москву было привезено из уцмийской партии: 155 разноцветных хлопчатобумажных отрезов, 30 кусков красной и желтой тафты, 78 –

тавризского и гилянского дарая (сорт шелка), 10 платков или скатертей и около 35 кг разноцветной шелковой пряжи. Купеческая партия – 7 кусков красного и зеленого дарая, 20 хлопчатобумажных отрезов, цветные сафьянные кожи – 4 желтых и 4 красных, да пуд (16кг) шелка-сырца. Узденская партия состояла из 10 кусков дарая, 9 хлопчатобумажных отрезов и 7 меховых шкур. Еще 13 кусков красной тафты были куплены для царской мастерской (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 128). Как видно, в Москву были привезены товары иранского или закавказского производства, за исключением 7 меховых шкур из узденской партии.

Продажа этих товаров в Москве заняла около месяца и только в сентябре 1635 г. кайтагские представители встретились с царем. Дело свелось к подтверждению факта подданства. Грамота уцмию была оформлена, «как пишетца к подданным» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 130). В ней со стороны России была обещана помощь против «недругов» уцмия и сообщалось о его награждении богатыми подарками. Рустам-хан должен был получить в Терки: «Кубок серебрян золочен с кровлею, стопа серебряная золочена с кровлею (т.е. стакан-стопка с крышкой), и шуба-атлас золотный на соболях; однорядку скорлатну червотку с кружевом золотным, пуговицы серебряные золочены, шапку лисью черну, три сорока соболей (т.е. 120 шкурок соболя)» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 130).

Оценивая важность и значимость этого события для истории Кайтага, Р.М. Магомедов писал: «В сентябре 1635 г. в Кремле (приемы такого рода происходили в Гранатовой палате) смотрели друг на друга два человека – царь Михаил Феродович и брат уцмия Рустам-хана Бадархан-бек. Их встреча завершила первый шаг, сделанный старинным даргинским княжеством в иной культурно-исторический мир, этим было отмечено включение Кайтага в систему Российской державы» (Магомедов Р.М., 1999. С. 26).

На фоне сближения с Россией отношения Кайтагского уцмийства с Ираном начали ухудшаться. Этому, по большей части, способствовало окончание ирано-турецкой войны в Закавказье подписанием мирного договора в 1639 г., который не нарушался до 1723 г. Воспользовавшись этим положением, шах Сефи I вновь обратился к северокавказским делам, решил осуществить принципиально новый вариант плана создания сети крепостей на Северном Кавказе.

Незадолго до этого в ухудшении отношений Кайтага с Ираном немалую роль сыграла и Турция, которая засылала в Дагестан своих эмиссаров, чтобы перетянуть на свою сторону наиболее влиятельных правителей, одним из которых был уцмий Рустам-хан.

По сообщениям русских купцов, возвращавшихся из Шемахи, турецкие войска летом 1635 г. начали наступление на Ереван, считая это началом крупной операции с выходом к Шемахе, и поэтому султан начал засылать своих людей к уцмию Рустам-хану и Эндиреевскому владетелю Султану-Муту с предложением заготовить на зиму крупные партии хлеба для турецкой армии (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 135). По другой информации, которую получили терские воеводы «...приезжали от Турского царя (турецкого султана. – Авт.) люди ево 4 человека к уцмею кайдацкому, а от уцмея де были в Казыкумухах и с ним, Салтан-Магмутом, в Казыкумухах виделись, а привезли де оне от турского царя грамоты к уцмею и к казыкумухцкому Тучелову» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 136).

Как видно, отношения Рустам-хана с Ираном становятся все хуже, а Турция делает определенные шаги в сближении с уцмием, чтобы использовать его в борьбе с Ираном. В этой связи интересны действия иранского коменданта Дербента Шахверди-султана, который в 1638 г. всячески препятствовал отправке немецко-русского посольства через земли Кайтагского уцмийства, мотивируя это неизбежностью их ограбления там. Послы настояли на своем и их отпустили. В Кайтаге послов не ограбили, хотя опасность этого и была (Магомедов Р.М., 1999. С. 29).

Этот эпизод показывает, что уцмий фактически вышел из под влияния Ирана и перестал быть подконтрольным. Косвенно на это указывают и глухие сообщения одного из дагестанских исторических сочинений, в котором освещается борьба дагестанцев против иранских завоевателей в XVI–XVII вв. (О борьбе дагестанцев против иранских завоевателей. 1993. С. 192). В нем сказано, что «... царь рафизитов послал эмира, по имени Абдалхан в 1635–1636 гг. в Дагестан во время правления Рустам-хана уцмия» (О борьбе дагестанцев против иранских завоевателей. 1993.

С.193). Иранские войска успеха не имели и отступили из Кайтага. Следует отметить, что в других источниках это событие не зафиксировано.

Политика Турции в Дагестане принесла определенные результаты. Как отмечали А.К. Бакиханов и Г.-Э. Алкадари, в 1638 г. «...Кайтагский правитель уцмий Рустам-хан, став сторонником Турецкой империи, предпринял шаги, направленные к тому, чтобы вывести дагестанцев из повиновения шаху Сафи». В противовес растущему влиянию уцмий Рустам-хана иранские власти «поддержали и подкрепили Сурхай-мирзу, сына Эльдар-шамхала, назначив его шамхалом, признанным в этом звании и русским старцем Михаилом Федоровичем» (Бакиханов А.-К., 1991. С. 121; Алкадари Г.-Э., 1994. С. 49).

Это обстоятельство, а также завершение войны с Турцией активизировали действия шаха Сефи I, который решил построить пять крепостей в Дагестане: «... в Табасаранцах, да у уцмий Кайдатцкого, да в Буйнаках, да на Койсе» и в Тарках, причем в Кайтагской крепости намечалось поставить гарнизон в 500 воинов (Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. Л. 1087).

Создание сети этих крепостей представляло серьезную угрозу для независимости Дагестана, поскольку шах Сефи I предполагал направить в Дагестан 30-тысячное войско под предлогом помощи Сурхаю (Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. Л. 1087; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 2004. С. 396). Владетели Дагестана встретили эти планы шаха резко отрицательно. В знак протеста они присягнули на верность России, которая оказала дипломатическое воздействие на шаха. Шахскому послу Аджибеку в 1642 г. было заявлено, что «царскому величеству самому то надобно, чтобы на Койсе и Тарках города поставить, потому что та земля царского величества» (Умаханов М.-С.К., 1973. С. 94). Из-за решительного демарша России план шахских властей в отношении Дагестана не осуществлялся. Но отношение Рустам-хана к Ирану после этого, конечно, не улучшилось.

Шах Сефи I понимал, что его столкновения с дагестанскими владетелями, принявшими присягу на верность царю, означали бы обострение его отношений с Россией, на что он не мог пойти, так как собирался воевать с Индией из-за Кандагара. Тогда Иран перешел к политике задиравания владетелей Дагестана, особенно активно это проявилось в период правления шаха Аббаса II и его сына Сефи II (Сулеймана). Во время их правления из шахской казны начались регулярные выплаты жалованья дагестанским владетелям, и даже выделение им раятских сел в Ширване (Бакиханов А.-К., 1991. С. 121; Алкадари Г.-Э., 1994. С. 49). Только шамхал Сурхай ежегодно получал по 200 туманов (1 туман – 10 руб.) (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. 1958. С. 142).

Следует отметить, что А.-К. Бакиханов и Г.-Э. Алкадари, перечисляя дагестанских князей, которые получали шахское жалованье, не называют уцмий, хотя его владение начинается за воротами Дербента. Значит, уцмий Рустам-хан не получал жалованья из Ирана. Отношения с Ираном окончательно испортились. На это в некоторой степени указывает и то, что в 1642 г. шахские чиновники в Дербенте говорили русским послам, что «уцмий шаховых людей грабит и побивает», «кайтагцы стали самовольны и никого не слушают» (Полиевктов М.А., 1928. С. 114).

Более того, шахские власти стали сваливать на уцмий давний эпизод с убийством в июле 1637 г. польского посла Феофила фон Шенеберга, хотя было известно, что посольство, возвращавшееся из Ирана в Польшу через Дагестан, было почти полностью перебито жителями Бойнака, и на их земле (Олеарий А., 1906. С. 489, 490; Дагестан в известиях западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. 1992. С. 117). В 1642 г. шах Сефи I незадолго до своей смерти собирался послать на уцмий свое войско.

Смена власти в Иране не привела к улучшению кайтаго-иранских отношений. Пришедший в Иране к власти после смерти Сефи I шах Аббас II, (1642–1667) продолжал экспансионистскую политику своего предшественника в отношении Дагестана. Он организовал прямую агрессию иранских войск в пределы Дагестана, чтобы решительно покончить с независимостью его народов. Этому способствовали прекращение ирано-турецких войн и дальнейшее укрепление международного положения Иранского государства в середине XVII в. (Очерки истории Ирана. 1952. С. 76).

Если Сефи I лояльно относился к России, то Аббас II, хотя еще в 1644 г. предлагал русскому царю дружбу и торговое сотрудничество, уже в 1645 г. резко изменил политический курс и стал на путь вытеснения русских с Северного Кавказа и прямого вмешательства во внутренние дела Дагестана, разжигая и используя феодальные усобицы для распространения и усиления своего влияния в этом регионе.

Из материала статьи вытекают следующие выводы:

– в первой половине XVII в. наиболее тесные контакты у Кайтага складывались с Сефевидским Ираном. В зависимости от политической ситуации, они носили разный характер: от союзнических отношений переходили на уровень военно-политического противостояния. Попытки Ирана распространить свое политическое пространство в Дагестане встречали ожесточенное сопротивление со стороны Кайтага.

– в первой половине XVII в., в противовес Ирану на Кавказе, кайтагские правители, налаживают отношения с Россией. Они нередко обращаются к заступничеству России перед иранской экспансией, устанавливают дипломатические отношения, уцмий делают попытки наладить регулярные торговые отношения с ней. Выгода от них очевидна для обеих сторон. Начинается постепенная интеграция дагестанских народов в Россию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алиев Б.Г., Муртазаев А.О., 2008. Федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в.: вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала.

Алиев Б.Г., 1970. Памятники арабской письменности XVII–XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // УЗ ИИЯЛ РФ АН СССР. Т. 20. Махачкала.

Алкадари Г.-Э., 1994. Асари–Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала.

Бакиханов А.К., 1991. Гюлистан–и–Ирам. Баку.

Веселовский Н.И., 1892. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. III. СПб.

Гаджиев В.Г., 1965. Роль России в истории Дагестана. М.

Гасанов М.Р., 1967. Социально-экономическое развитие табасаранского аула // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 200.

Дагестан в известиях западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. 1992 / Сост., введ., вступ. статья к текстам и прим. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала.

Иванов М.С., 1952. Очерки истории Ирана. М.

История Дагестана. 1967. Т.1. М.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 2005. Т. I. М.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. 1957. М.

Козлова А.Н., 1986. Указ (фирман) шаха Аббаса I на имя Амир-Хамза-хана, уцмий Кайтага, от 1607 года // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала.

Кушева Е.Н., 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией вторая половина XVI – 30 е годы XVII века. М.

Магомедов Р.М., 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Ч.1. Махачкала.

Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305.

Новичев А.Д., 1963. История Турции. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л.

О борьбе дагестанцев против иранских завоевателей // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р., 1993. Дагестанские исторические сочинения. М.

Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.

Очерки истории Ирана. 1952. М.

Полиевктов М.А., 1928. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640–1643 гг. Тифлис.

Рахмани А.А., 1960. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. 1958. Махачкала.

Умаханов М.-С. К., 1973. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала.